

Ренат Беккин

*Мусульмане
в советском
Петрограде – Ленинграде
(1917-1991)*

Ренат Беккин

**Мусульмане в
советском Петрограде –
Ленинграде (1917–1991)**

«Садра»

2017

УДК 28(470.23-25)(092)

ББК 86.38-3

Беккин Р. И.

Мусульмане в советском Петрограде – Ленинграде (1917–1991) /
Р. И. Беккин — «Садра», 2017

ISBN 978-5-906859-92-1

Два профессора-исламоведа похищают из Российской национальной библиотеки старинную рукопись Корана. Оттого, в чьи руки она попадет, зависит будущее не только ислама, но и всей современной цивилизации... Что делать, если Вы попали в один из шариатских судов? Как решить дело о разводе по шариату, не имея никакого представления о том, что это такое? Можно ли ужиться с тремя официальными женами в небольшой квартире в Санкт-Петербурге? Как «сходить налево» и, не потеряв денег по брачному договору, взять вторую жену? Написанный легким языком, роман может быть интересен всем читателям, умеющим совмещать мыслительный процесс и отдых. Роман-фьюжн «Ислам от монаха Багиры» в 2003 году вошел в лонг-лист литературной премии «Дебют», а в 2004 году – в лонг-лист литературной премии Бориса Соколова. По версии журнала «Новая литература» роман «Ислам от монаха Багиры» попал в двадцатку лучших литературных произведений.

УДК 28(470.23-25)(092)

ББК 86.38-3

ISBN 978-5-906859-92-1

© Беккин Р. И., 2017

© Садра, 2017

Содержание

Материалы частных и государственных фотоархивов как источник по истории татаро-мусульманской общины советского Петрограда – Ленинграда 1917–1991 гг.	6
Мусульманская община в Петербурге в XVIII – начале XX в.	9
Мусульмане Петрограда в годы Гражданской войны	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ренат Беккин

Мусульмане в советском Петрограде – Ленинграде (1917–1991)

Издание подготовлено при поддержке Фонда исследований исламской культуры

На обложке. Прихожане Соборной мечети (1955 г.).
Автор съемки неизвестен (из семейного архива М.Х. Махмутовой).

Congregation of the Cathedral Mosque (1955). Photographer unknown (M.H. Mahmutova's family archive).

На титуле. Семья Урусовых. Слева направо: Утешева (дев. фам. Урусова) Махера Зяйнулловна; Урусова Асьма Усмановна; Урусова Фаизья Зяйнулловна (1930 г.). Автор фото: неизвестен (из семейного архива Р.И. Беккина).

The Urusov family. From the left to the right: Mahera Zainullova Utesheva (maiden name Urusova); Asma Usmanovna Urusova; Faizya Zainullova Urusova (1930). Photographer unknown (R. I. Bekkin's family archive).

Muslims in Soviet Petrograd – Leningrad (1917–1991)

Материалы частных и государственных фотоархивов как источник по истории татаро-мусульманской общины советского Петрограда – Ленинграда 1917–1991 гг.

Беккин Р.И.

Тема ислама в Советском Союзе в последнее время все чаще привлекает внимание исследователей. При этом *J I W* объектом изменился становится не только политика государства по отношению к исламу и мусульманам¹, но и специфика функционирования исламских институтов, в т. ч. неофициальных, в отдельных регионах страны². Изучение истории и форм бытования ислама в СССР важно, помимо прочего, еще и потому, что эта эпоха не так далеко отстоит от нас, и многие мусульманские духовные лидеры, возглавляющие в наши дни приходы и религиозные организации в разных городах, сформировались и получили образование в советское время. Однако эта близость времен оказывается мнимой, когда сталкиваешься с тем, что большинство свидетелей эпохи, которые обладали непосредственным опытом участия в религиозной жизни в разных регионах Советского Союза (в т. ч. в Ленинграде) в 1920-1970-х гг., уже покинули этот мир.

До наших дней дошло не так много источников, созданных в среде самих мусульман и зафиксировавших отдельные моменты повседневной религиозной жизни в Ленинграде. Прежде всего, это немногочисленные письма. Дневники в те времена вели немногие ленинградские мусульмане, а те, что дошли до нас, – можно сосчитать по пальцам. Значительный объем составляют материалы советских государственных органов, в задачи которых входил контроль за религиозной активностью граждан. Не случайно, эти материалы и по сей день служат предметом вдохновения как для отечественных, так и для западных исследователей, изучающих ислам в СССР³. Однако использование этих официальных источников может привести исследователя к тем многочисленным ошибкам, которые допустил упоминаемый выше Яков Рой, который фактически строил свои представления о формах бытования ислама в СССР на основании документов различных советских ведомств.

С учетом вышесказанного, фотоматериалы (прежде всего, из личных архивов), зафиксировавшие повседневную жизнь мусульман в Советском Союзе, являются для нас одним из важнейших и, в ряде случаев, едва ли не основным источником информации. Я говорю основным, но не единственным, потому что любая фотография, дошедшая до нас из личного архива, нуж-

¹ Ro'i Y. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York: Columbia University Press, 2000; Ислам и советское государство / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. Вып. 1. М.: ИД Марджани, 2010; Ислам и советское государство / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. Вып. 2: (1917–1936). М.: ИД Марджани, 2010; Ислам и советское государство / Сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. Вып. 3: (1944–1990). М.: ИД Марджани, 2011; Салахбекова З.А. Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 гг.). Автореф. дне. на соиск. учен. степ. к. ист. н. Махачкала, 2003 и др.

² Сениоткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сениоткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998; Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М.: Медина, 2013; Сафаров М.А. Повседневная жизнь московских мусульман в 1960-1980-х годах // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84). С. 139–148 и др.

³ В качестве наиболее яркого примера следует привести уже упоминавшуюся выше книгу Якова Роя «Ислам в Советском Союзе» (Ro'i Y. *Islam in the Soviet Union: From the Second World War to Gorbachev*. New York: Columbia University Press, 2000), где автор фактически строил свои представления о формах бытования ислама в СССР на основании документов различных ведомств. Подробнее о недостатках книги Роя см.: DeWeese D. *Islam and the Legacy of Sovietology: A Review Essay on Yaacov Ro'i's Islam in the Soviet Union* // *Journal of Islamic Studies*. 2002. № 13 (3). P. 298–330.

дается в компетентном рассказчике, без которого запечатленное на пленке будет лишь мертвым артефактом прошлого, осколком чужой судьбы. Однако в большинстве случаев владельцы фотоальбомов – дети и внуки мусульман Петрограда – Ленинграда – не смогли дать нам существенных пояснений к фотографиям, либо потому что не обладали информацией, либо потому что по разным причинам не хотели этого делать. Последнее встречалось среди тех, чьи родственники стали жертвой сталинских репрессий. Мой интерес к давно минувшим делам их родственников вызывал у них опасения и даже страх.

К счастью, значительное число снимков содержат надписи на обороте. Однако данная категория пояснительных текстов не всегда обеспечивает исследователя достаточной информацией, необходимой для воссоздания истории, которую скрывает фотография.

Что касается государственных архивов (прежде всего, ЦГАКФФД СПб), то здесь в основном содержатся официальные фотографии, запечатлевшие важнейшие события в истории мусульманской общины Петрограда – Ленинграда, – в первую очередь, визиты зарубежных делегаций. Часть этих материалов дублируется снимками из семейных архивов, принадлежащих потомкам *имам-хатибов* Ленинградской Соборной мечети: М.-Дж. Бигеева, Г.Н. Исаева и Х.В. Махмутова. Именно потомки духовных руководителей мусульман Ленинграда оказались обладателями самых крупных частных фотоархивов, проливающих свет на историю мусульманской общины города.

Особо следует отметить коллекции Государственного музея истории религии в Петербурге. Среди протокольных снимков здесь имеются фотографии, на которых зафиксирована повседневная религиозная жизнь мусульманской общины. Так, например, большой интерес представляют изображения пятничной и праздничных молитв на Татарском участке Ново-Волковского кладбища, датируемые 1954 г. На этих фотографиях, сделанных сотрудником музея Д.И. Исхаковым, запечатлен примечательный период в жизни татаро-мусульманской общины города на Неве, когда кладбище служило местом проведения коллективных намазов. Через два года мусульманам Ленинграда была возвращена Соборная мечеть, закрытая в 1940 г. С 1940 по 1956 г. (за исключением блокадного времени) пятничные и праздничные молитвы проводились на Татарском участке Ново-Волковского кладбища⁴.

Таким образом, фотоматериалы из государственных и частных архивов органично дополняют друг друга, позволяя взглянуть на историю мусульманской общины не только глазами фотографа-исследователя, но и самих верующих. В последнем случае мы можем проанализировать, какие события считались значимыми для самих мусульман, чтобы быть запечатленными фотокамерой. При этом, конечно, нужно принимать во внимание что далеко не все примечательные события могли фиксироваться на пленку. Причины могли быть разными, например, опасение подвергнуться репрессиям за соблюдение тех или иных обрядов.

Как уже было отмечено выше, главной проблемой собранных нами фотоматериалов является отсутствие пояснительной информации к ним. Не все снимки имеют подписи, позволяющие установить дату съемки и изображенных людей. Это утверждение справедливо и по отношению к фотографиям из государственных архивов. При изучении коллекций Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб) мы столкнулись с тем, что некоторые снимки неверно атрибутированы. В частности, были искажены или неправильно указаны имена и фамилии изображенных на них людей.

Возможность правильно установить лиц, представленных на фото, конечно, существует не всегда. Однако даже если эта задача не выполнима, фотография не теряет своей ценности как дополнительный источник информации. В последнем качестве она может пояснять (дополнять) имеющуюся в распоряжении исследователя информацию, подтверждать или опровергать ее. Так, например, в книге петербургского краеведа Д.А. Аминова содержится информация

⁴ Подробнее о Татарском участке Ново-Волковского кладбища см. далее.

о том, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. пятничные намазы на Татарском участке Ново-Волковского кладбища проводил неофициальный мулла Гатчины Мутугулла Хамитов⁵. Долгое время это утверждение не было подкреплено ничем, кроме устного свидетельства покойного ученого. Только фотографии из государственного и частного архивов, на которых изображен Хамитов, позволили документально подтвердить информацию Аминова.

Иногда само отсутствие фотографии может дать повод для размышления и послужить стимулом для поиска дополнительных сведений. Например, из имеющихся официальных письменных источников известно о многочисленных встречах двух *имам-хатибов* Ленинградской Соборной мечети Г.Н. Исаева и Х.В. Махмутова. Однако нам не удалось найти фотографии, на которых оба религиозных деятеля были бы изображены вместе – при том, что сохранилось немало фотографий Исаева и Махмутова с одними и теми же лицами, но по отдельности. Это дало нам основания для предположения о конфликте между двумя имамами. Впоследствии эта догадка, возникшая в результате размышлений над частными архивами, подтвердилась при изучении дневников и писем имама Махмутова.

Как видно из приведенных нами примеров, фотография может выступать верным помощником исследователя лишь в том случае, если он в достаточной степени владеет не только общей информацией, но и конкретными деталями, связанными с историей мусульманской общины Петербурга.

Мы не случайно уделяем существенное внимание судьбам имамов – руководителей татаро-мусульманской общины города. Это обусловлено по меньшей мере двумя причинами: наличием значительного объема разного рода источников, в том числе визуальных, а также тем значением, которое имела фигура *имам-хатиба* Соборной мечети для мусульман Петрограда – Ленинграда.

Говоря о советском периоде, мы не случайно употребляем словосочетания «мусульманская община» и «татаро-мусульманская» община в качестве синонимов. Вплоть до конца XX века представители разных субэтнических групп татарского этноса составляли большую часть мусульманского населения города.

⁵ Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге: Ист. очерк. СПб.: Альд, 1994.

Мусульманская община в Петербурге в XVIII – начале XX в.

Основную часть мусульманского населения Петербурга на протяжении всей его истории составляли татары. Известно, что на работах по возведению Петропавловской крепости использовались татары и башкиры, служившие под началом И.Е. Бахметева и др. Вскоре на берега Невы стали присылать крестьян и посадских людей из российских губерний, в т. ч. Казанской. По указу Петра I к строительству начали привлекать не только крестьян (по одному человеку с 4 дворов), но и некрещеных служилых мурз. К середине XVIII в. татаро-мусульманские общины возникают в Кронштадте и Любани – деревне, находившейся на почтовом тракте, соединявшем Петербург и Москву.

В XVIII столетии большинство мусульман Петербурга были военными служащими. Небольшую группу составляли купцы. Функции имамов выполняли рядовые, наиболее осведомленные в вопросах мусульманского обряда. Вот что писал о богослужениях мусульман столицы в конце XVIII в. немецкий ученый и путешественник И.Г. Георги: «Магометане, Татары из разных областей, чужестранные купцы, поверенные и т. д. не имеют ни мечети, ни какого-либо прихода; но между купцами находятся у них духовные (Муласы), которые в жилищах своих с единоверцами своими по пятницам и по праздникам производят торжественную свою службу на Арабском и Татарском языках»¹.

В 1822 г. в Петербурге был учрежден первый гражданский магометанский приход. Однако лишь во второй половине XIX в. число гражданских лиц стало превышать число мусульман-военнослужащих. Большая часть татарского населения Петербурга в конце XIX – начале XX в. была занята в сфере мелкой торговли и услуг. В мемуарной литературе сохранились воспоминания о татарах-старьевщиках, которых в городском фольклоре именовали «князьями». «Князь», торговавшие «красным товаром», появлялись во дворах Петербурга с криками: «Халат, халат!»⁶. Были среди татар и дворники, но в имперский период среди представителей этой профессии их было не так много, преобладали выходцы из Тверской губернии.

По данным на 1910 г., в Петербурге проживало 7,3 тыс. татар, что составляло около 0,4 % городского населения⁷. Другие народы, традиционно исповедующие ислам, были представлены не более чем несколькими десятками человек. Среди татаро-мусульманского населения города преобладали три субэтнические группы: касимовские татары, мишаре и казанские. В городе также проживала небольшая, но заметная группа польско-литовских татар. Что касается Петроградской губернии, то здесь в ряде населенных пунктов, располагавшихся к югу от столицы, касимовские татары составляли большинство. Мишаре, в свою очередь, преобладали среди мусульман, освоивших территорию Карельского перешейка к северу от реки Сестры, относившуюся к Выборгской губернии Великого княжества Финляндского.

К концу XIX – началу XX века в Петербурге возникла небольшая прослойка мусульманской интеллигенции, состоявшей из представителей татар (казанских, нижегородских, касимовских, польско-литовских, крымских), кавказских и среднеазиатских народов. Это были в подлинном смысле духовные лидеры нации, формированию которых в качестве таковых в

⁶ См., например: Григорьев М.И. Петербург 1910-х гг. Прогулки в прошлое. СПб: Российский институт истории искусств, 2005. С. 251; [Ключева М.И.]. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. / Сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. М; СПб: Atheneum; Феникс, 1997. Вып. III. С. 206; Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris: Ymca-Press, 1988. С. 13; и др.

⁷ Санкт-Петербург: энцикл. слов. СПб., [2007-] // [www.encyspb.ru/object/ 2803920605?dv=2853931022&lc=ru, доступ от 5.04.2016].

немалой степени способствовала либерализация политической жизни в России после первой русской революции 1905–1907 гг.

Две другие русские революции – Февральскую и Октябрьскую – мусульманская община Петрограда застала в период своего наивысшего расцвета, несмотря на реакцию 1907–1910 гг., во время которой прекратили существование некоторые столичные мусульманские издания, был закрыт один из магометанских приходов, вокруг которого группировалась либеральная интеллигенция, и т. п.

Мусульмане Петрограда в годы Гражданской войны

После Октябрьской революции, как и после Февральской, мусульмане были полны надежд⁸. Однако разочарование в большевиках наступило почти так же быстро, как в буржуазно-демократическом правительстве. На нескольких фотографиях, хранящихся в ЦГАКФФД СПб, зафиксированы эпизоды общественно-политической жизни революционного Петрограда. Автором некоторых из них является известный петроградский-ленинградский фотограф Яков Владимирович Штейнберг (1880–1942). Так, на одном из снимков Штейнберга изображены служащие Исполкома Всероссийского мусульманского совета (Икомус)⁹

⁸ Подробнее об этом см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004.

⁹ В подписи к фотографии на сайте Центрального государственного архива кинофотофонодокументов (ЦГАКФФД СПб) ошибочно указана дата съемки: 1923–1924 г. Однако, как видно из информации, приведенной выше, данный снимок был сделан не позже мая 1918 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.